ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.63: 342.72

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-31-41

РОЛЬ ОТЦОВ В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ: ПРАВОВЫЕ ОТВЕТЫ НА СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Емелина Л. А.¹, Яворский С. А.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Президентская академия)

119602, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, Российская Федерация

²ИТ АЛЬЯНС

123557, г. Москва, ул. Климашкина, д. 21, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать правоприменительную практику определения места жительства ребёнка с одним из родителей, изучить дискриминационные аспекты в отношении прав отдельно проживающих отцов на участие в воспитании ребёнка. Предложить пути совершенствования законодательных и судебных механизмов для обеспечения равноправия родителей и защиты интересов детей.

Процедура и методы. В статье используется метод сравнительного анализа норм российского семейного законодательства, а также прецедентной судебной практики. Применены общенаучные методы: анализа, синтеза и абстрагирования. Кроме того, применён юридический метод толкования норм права для выявления пробелов и коллизий в регулировании отношений между родителями и детьми после расторжения брака.

Результаты. Выявлены ключевые проблемы правоприменительной практики, включая устоявшуюся презумпцию определения места жительства ребёнка с матерью, отсутствие гарантий прав отдельно проживающих отцов на воспитание и взаимодействие с детьми, а также недостаточную регламентацию случаев переезда одного из родителей. Сделан вывод о необходимости внедрения правовых механизмов, обеспечивающих равенство родителей в вопросах воспитания детей, независимо от места их проживания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейших исследований в области семейного права, а также для разработки рекомендаций по совершенствованию законодательства. Практическая значимость заключается в возможности применения выводов исследования при разрешении споров о месте жительства ребёнка и порядке общения с ним, а также в повышении уровня защиты прав родителей и детей.

Ключевые слова: дискриминация прав отцов, правовой статус отца, презумпция отцовства, неравенство родителей, фактическое родительство, раздельное проживание с ребёнком, презумпция материнства

THE ROLE OF FATHERS IN THE UPBRINGING OF CHILDREN: LEGAL RESPONSES TO CONTEMPORARY CHALLENGES

L. Emelina¹, S. Yavorsky²

¹ *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPA)*

Prospekt Vernadskogo 82, Moscow 119602, Russian Federation

² *IT ALLIANCE LLC*

ul. Klimashkina 21, Moscow 123557, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the law enforcement practice of determining the place of residence of a child with one of the parents, to study discriminatory aspects in relation to the rights of separated fathers to participate in the upbringing of a child. To propose ways of improving legislative and judicial mechanisms to ensure equal rights of parents and to protect the interests of children.

Methodology. The article uses the method of comparative analysis of the norms of Russian family legislation, as well as case law. General scientific methods are applied: analysis, synthesis and abstraction. In addition, the legal method of interpretation of legal norms is applied to identify gaps and conflicts in the regulation of relations between parents and children after the dissolution of marriage.

Results. Key problems of law enforcement practice have been identified, including the established presumption of determining the place of residence of the child with the mother, the lack of guarantees of the rights of separated fathers to raise and interact with children, as well as insufficient regulation of cases of relocation of one of the parents. It is concluded that it is necessary to introduce legal mechanisms to ensure the equality of parents in matters of child rearing, regardless of their place of residence.

Research implications. The obtained results can be used for further research in the field of family law, as well as for the development of recommendations to improve the legislation. Practical significance lies in the possibility of applying the conclusions of the article in resolving disputes about the place of residence of the child and the order of communication with him, as well as in increasing the level of protection of the rights of parents and children.

Keywords: discrimination of fathers' rights, father's legal status, presumption of paternity, inequality of parents, de facto parenthood, separation from the child, presumption of maternity

Введение

Понятие «отцовство» упоминается законодателем в Конституции РФ (ч. 1., ст. 72, ч. 2, ст. 7), однако назвать данную категорию атрибутом правовой социальной политики или выделить данное понятие в отдельный правовой институт на сегодняшний день не представляется возможным. Функция отцовства в настоящее время заключается лишь в процессе появления на свет ребёнка, что формирует лишь презумпцию отцовства (ст. 48 СК РФ) и накладывает на отца правовой комплекс обязанностей по его обеспечению и воспитанию. На этом доктринальное постулирование отцовства в отечественной правовой системе исчерпывается.

Отсутствие в Конституции РФ и Семейном кодексе РФ чёткой формулировки дефиниции отцовства создаёт некую идиому. Стоит отметить, что комплекс прав явно смещается в сторону матери ребёнка по вопросу его воспитания и проживания с ним. При этом в значительной степени права отца ущемляются. Такая сложившаяся дискриминационная атмосфера по своей актуальности уступает только отражению данной темы в социологии и психологии, где отсутствуют правовые категории.

Среди триады основных семейных ценностей – «родства», «супружества» и «родительства» – в последнем определении существует некая доктринальная недоска-

занность, несмотря на их имманентную связь с «отцовством», «материнством» и «родительскими правами». Родительство отца провозглашено в ст. 48 СК РФ, при этом оно порождается самой презумпцией брака в исторической преемственности советского законодательства.

Сравнительный анализ зарубежного опыта в обеспечении прав отцов

Наблюдаемая тенденция замены кровного родства социальным и искусственным форматом родительства фактически исключает из правового оборота доктрину отцовства, всё ещё не получившую полноценного признания. Законный статус родителей всё чаще подменяется суррогатными формами: опекой, патронатом или фиктивными связями, – что вступает в противоречие с принципами традиционного семейного права и духовными основами российской культуры¹. В Европе концепция «родительской власти» как совокупности воспитательной и правовой функции сохранилась лишь в отдельных юрисдикциях (например, Италия), тогда как в Германии и Норвегии предпочтение отдано более размытым категориям заботы и ответственности. В условиях потери иерархии в семье и отхода от следования семейным нормам отцовская фигура оказывается функционально размыта и юридически обесценена².

Развитые зарубежные правовые порядки демонстрируют широкий диапазон нормативных и институциональных решений в вопросах участия отцов в жизни ребёнка и регулирования родительской ответственности. Эти подходы обусловлены особенностями социальной политики, уровня право-

вой культуры и исторически сложившейся модели гендерного распределения ролей. Методологическая основа, заложенная в классификацию гендерных режимов (либеральный, социально-демократический и консервативный) в трудах Сейнсбери и Эспинг-Андерсена, позволяет выявить устойчивые закономерности и эффективные практики, способные стать ориентиром для трансформации российской правовой системы в сфере родительства.

Либеральные правовые системы англосаксонского типа, представленные США, Канадой и Великобританией, демонстрируют устойчивую ориентацию на алиментную модель участия отцов в жизни детей, при которой функции заботы и эмоционального взаимодействия вытесняются императивом финансового содержания. Закрепление образа отца как исключительно «добытчика» стало результатом государственной политики, ориентированной на рыночные отношения, где отец рассматривался как объект фискального контроля, а не субъект воспитательной практики. Реформы середины 1990-х гг., в частности принятие в США *Child Support Act*, усилили давление на отцов в части обязательств, но не изменили восприятия их роли в семейной политике. Такая редукция родительской функции к платёжеспособности лишает отцов возможности реализовывать эмоциональные и воспитательные аспекты отцовства, что вступает в противоречие с принципами, закреплёнными в российском праве, особенно в положениях ст.ст. 54 и 66 СК РФ, устанавливающих равное участие родителей в жизни ребёнка независимо от их экономического положения.

В странах Скандинавского региона (Швеция, Норвегия, Финляндия) действует одна из наиболее прогрессивных моделей реализации родительских прав, основанная на идее равного участия обоих родителей как в трудовой, так и в воспитательной сфере. Инструментом гендерной симметрии выступает «папин отпуск», закреплённый в виде обязательной квоты на использование части отпуска по уходу

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

² Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 21. Ст. 3696.

за ребёнком отцом. Это позволило уже в 1994 г. приблизительно 30% мужчин принять участие в уходе за детьми наравне с матерями. Такой подход способствует разрушению устойчивых стереотипов, формирует новое восприятие родительства и реализует подлинную солидарную ответственность. Юридическое оформление постразводной родительской опеки в форме равного участия обоих родителей через механизм «режима двух домов» подтверждает преемственность воспитания и неразрывность родственной связи. Подобные правовые механизмы могут быть адаптированы и в российской практике в рамках модернизации ст.ст. 65 и 66 СК РФ, что обеспечит более сбалансированную защиту интересов ребёнка и родителей.

Консервативные правовые режимы Германии и Франции, сформированные под влиянием семейно-ориентированных ценностей XX в., постепенно трансформируются в направлении большей родительской симметрии. Признание концепта «эмоционального благополучия ребёнка» как юридически значимого критерия дало основания для развития механизмов, направленных на обеспечение общения ребёнка с обоими родителями после развода. В Германии законодательство предоставляет отцам право на отпуск по уходу за ребёнком, однако низкая статистика его применения (менее 20%) обусловлена опасениями потери занятости. Во Франции сохраняется приоритет материнского воспитания в решениях судов, что следует из доктрины «лучших интересов ребёнка», закреплённой в ст. 371-1 ГК. Тем не менее внедрение в 2014 г. института родительского соглашения (*parenting plan*) существенно способствовало упрочнению правового статуса отца и сокращению судебных споров. Имплементация аналогичных механизмов в российское законодательство могла бы стать основой для пересмотра действующей правоприменительной презумпции в пользу более гибкой модели, соответствующей положениям ст.ст. 65 и 66 СК РФ о равенстве родителей в воспитательном процессе.

Российская правовая система имеет потенциал к модернизации института родительства на основе изучения эффективных моделей, апробированных в зарубежных правовых порядках. Современная правоприменительная практика в РФ, сохраняющая презумпцию проживания ребёнка с матерью (ст. 65 СК РФ), по своей сути тяготеет к консервативному подходу, однако лишена корректирующих механизмов, таких как гибкие формы родительских отпусков и непередаваемые «отцовские квоты». В целях правового уравнивания родительских функций необходимо:

1) ввести в Трудовой кодекс РФ (ст. 256) институт персонального оплачиваемого отцовского отпуска, аналогичного скандинавским моделям;

2) дополнить положения ст. 66 СК РФ правовым механизмом фактического исполнения решений о порядке общения с ребёнком через службу судебных приставов, а также усилить санкции за их игнорирование;

3) институционализировать медиационные процедуры в семейных спорах по примеру Германии, обеспечив их интеграцию в судебную систему.

Формирование правовой среды, где субъектность отца подкреплена нормативными гарантиями, возможно только при отходе от формального равенства к содержательной модели совместной родительской ответственности. В целом правовое равенство родителей возможно лишь в условиях отказа от биологически ориентированных презумпций и перехода к модели, основанной на оценке фактической вовлечённости, воспитательного потенциала и готовности к взаимодействию в интересах ребёнка.

Лишение отца возможности воспитания ребёнка

При раздельном проживании от своего ребёнка родитель сохраняет право на общение с ним на основании п. 1 ст. 66 СК РФ. Очень важно, чтобы при проявлении заботы отец не наносил вред психическому и физическому здоровью ребёнка.

Реализация родительских прав отца в большинстве случаев напрямую связана с местом жительства ребёнка [9, с. 141]. Сюда относится общение с ребёнком, когда оно проходит рядом с его местом жительства на нейтральной территории¹. Можно также отнести и определение режима прогулок по месту жительства ребёнка², включая возвращение ребёнка в место его проживания³.

Одним из ключевых ограничений прав отца становится ситуация, при которой ребёнок по решению суда остаётся с матерью и вместе с ней меняет место жительства. Закон не регулирует последствия переезда, и фактически это приводит к полному разрыву общения с отцом, особенно если он не может сменить регион. Абзац 2 п. 3 ст. 65 СК РФ не содержит норм, защищающих интересы отца в подобной ситуации, что создаёт правовой вакуум. Судебная перспектива изменить место жительства ребёнка в пользу отца крайне мала – не более 6%⁴.

Позиция ВС РФ не допускает выхода за рамки исковых требований, что исключает возможность компенсировать данное ограничение за счёт расширения прав второго родителя. В результате один из родителей – как правило, мать – получает возможность фактически изолировать ребёнка от другого, включая выезд за границу.

Это приводит к ситуации, при которой отцу остаются лишь номинальные права, ограниченные территорией и временем, а мать может влиять на ребёнка, формируя его негативное отношение к отцу и препятствуя контактам под надуманными предложениями [4, с. 78].

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2021 по делу № 88-19267/2021 // СПС «Гарант».

² Апелляционное определение Московского городского суда от 16.06.2020 по делу № 33-21049/2020 // СПС «Гарант».

³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 26.05.2021 по делу № 33-21095/2021 // СПС «Гарант».

⁴ См.: Разрешение споров о месте жительства ребенка // РИА.RU: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20091005/187586614.html> (дата обращения: 11.11.2024).

Если в России и существуют родительские права, они серьёзным образом могут быть ограничены или в конечном итоге отобраны. Положение п. 1 ст. 66 СК РФ позволяет отцу ребёнка, несмотря на прекращение брака и заключённые разного рода соглашения, общаться с ним, даже если суд их разлучил. Лишение такого права противоречит действующему законодательству, нарушая при этом права отца на его участие в воспитании ребёнка. Стоит помнить, что любые виды разлучения родителя и ребёнка должны определять только порядок и способ реализации такого права. Следует согласиться с мнением ряда отечественных учёных о том, что общение с ребёнком – это не право его отца, а прямая обязанность. Такие выводы отражены в материалах судебной практики⁵.

Ограничены права отцов и на получение информации о том, в какие кружки, секции или школу ходит их ребёнок. Данные организации, как правило, отказывают отцу в получении такой информации, ссылаясь на конфиденциальность. Стоит отметить, что п. 4 ст. 66 СК РФ обязывает организации предоставлять отцу эту информацию по его запросу. Данная норма закона наделяет такие организации правом квалифицировать факты наличия угрозы для ребёнка в поведении отца, фактически презюмируя такую практику, когда отказы в предоставлении информации мотивируются якобы заботой о ребёнке.

Удивителен и тот факт, что отцу приходится идти в суд, чтобы получить необходимую информацию о своём ребёнке⁶. Судебное оспаривание имеет довольно туманные перспективы для отца. Весьма затруднительны как сама подача иска, так и нежелание отца создавать трудности для своего ребенка в пребывании в данном учреждении, где он находится.

⁵ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ», 2012. № 7.

⁶ Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара Краснодарского края от 17.02.2020 по делу № 2-1035/2020 // СПС «Гарант».

Мать ребёнка действительно имеет возможность лишить бывшего супруга права видаться с ребёнком. Суд может ограничить общение отца с ребёнком при отсутствии: условий для его воспитания и развития, при отсутствии жилищно-бытовых условий у отца для визитов ребёнка, регулярных встреч отца с ребёнком (часто связано с проживанием отца в другом городе или другой стране)¹.

Стоит отметить, что суды часто попадают под влияние некоторых стереотипов, которые в конечном итоге налагают запрет на встречу ребёнка с отцом, если у него к тому времени появилась новая семья. К ним можно отнести такие, как: «жизнь ребенка на две семьи может служить для него травмой», «у ребёнка будет формироваться неверное представление о семье, доме и родне», «ребёнок должен после встречи с отцом вечером вернуться в дом к месту проживания матери»².

Удивительно, что такие формулировки смогли перекочевать и в решения судов высших инстанций, занимающих «про-материнские» позиции. Это не позволяет отцам жить со своим ребёнком и воспитывать его согласно таким абсолютно абсурдным мотивировкам, взятым порой судами из СМИ. Существует ненаучное мнение, что ребёнок должен приспосабливаться к жизни на 2 дома и это вызовет у него амбивалентность восприятия реальной картины мира³. Однако авторы исследования не могут согласиться с мнением, что отдельно проживающий отец не способен осуществить свои родительские обязанности [1, с. 31].

Следуя логике указанной позиции Верховного Суда РФ, существующий тренд

¹ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

² Решение Зеленогорского городского суда Красноярского края от 14.07.2020 № 2-760/2020 // СПС Консультант Плюс.

³ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.01.2019 № 18-КГ18-223 // СПС Консультант Плюс; Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3.12.2019 № 18-КГ19-125 // СПС Консультант Плюс.

«папы выходного дня» – одна из причин такой ситуации, и тогда общение детей с отцами и вовсе необходимо прекратить. В то же время международная практика проживания ребёнка в случае разводов родителей на 2 дома, напротив, является позитивной для развития личности ребёнка.

Ещё одним фактором дискриминации отца ребёнка является лишение его родительских прав посредством весьма сомнительного с точки зрения логики закона в аспекте отображения ребёнка (п. 1 ст. 73. СК РФ), с которым отец фактически не проживает. При этом недобросовестный родитель обосновывает такую позицию отсутствием общения ребёнка с отцом, фактически при этом создавая отцу и ребёнку проблемы с организацией встреч («ребёнок болеет», «задали много уроков», «пришли гости», «ребёнок не хочет тебя видеть» и т. д.) или настраивая ребёнка против отца, формируя нежелание с ним общаться [7, с. 5]. В этом отношении мы согласны с мнением, что необходимо ввести в кодекс понятие пределов осуществления семейных прав, являющееся парной категорией существующих «свобод» [10, с. 659].

Положительным является тот аспект, что процент подобных выигранных дел невысок. При этом настораживает факт, что, как только родители начинают проживать раздельно, то один из родителей, проживающий вместе с ребёнком, получает права его законного представителя и тем самым становится его воспитателем. Второй же родитель получает только право на общение с ребёнком, которого в дальнейшем можно лишиться согласно ст. 69 (лишение родительских прав), ст. 73 (ограничение прав родителя), ст. 77 (отобрание ребёнка) СК РФ по иногда искусственно созданной причине – противоречия поведения отца интересам ребёнка (п. 1 ст. 65 СК РФ).

Безусловно, право отца общаться со своим ребёнком не может быть предметом судебного рассмотрения, если такой отец не лишён родительских прав. Однако ст. 66 СК РФ не подразумевает иных, более мягких способов ограничений прав отца, как, например, ограничения количества встреч

с ребёнком. Таким образом, позиция абз. 4 п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10¹ выглядит как незаконная и в какой-то степени унижительная для отца ребёнка.

В подобных случаях злоупотребляющая своими правами мать опирается на норму абз. 2 п. 1 ст. 66 СК РФ и формирует необоснованное негативное отношение ребёнка к отцу, оправдывая это тем, что якобы отец причиняет своим поведением физический и психический вред его здоровью. Такая констатация факта находится, к сожалению, в фактической власти матери ребёнка и в поле правовой неопределённости данного вопроса.

Индивидуализация родительских ролей

Мы убеждены, что семья по своему замыслу и правотой доктрине уже не является тандемом между двумя кровными родителями. Кровных родителей сменяют социальные отцы или даже матери, которые осуществляют фактическое родительство с вытекающими негативными последствиями для ребёнка.

Что же будет являться правовым трендом для отечественного законодателя на ближайшем временном этапе: фактическое или естественное «родительство», фактическое или естественное «воспитательство», – нам остаётся только догадываться. Какова при этом будет роль биологического отца, останется ли он в праве обладать «родительской властью» и правом проживать со своим ребёнком для осуществления им своих конституционных обязанностей, связанных с его воспитанием и заботой о нём, тоже пока не известно.

Любое переформатирование и добавление к формуле семьи интенции «фактический» имплицитно в семью как в «союз исключительно мужчины и женщины» [3, с. 100] третье лицо, которое, по мнению

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Российская газета. 1998. № 110.

зарубежных и отечественного законодатель, защитит, согласно Конвенции, «наилучшие интересы ребёнка»².

Ясно одно, что единообразие представлений о семье постепенно вытесняется их многообразием. Это может негативно сказаться на воспитании будущих поколений, рискующих оказаться в окружении заменяемых родителей и заменяемых детей. Такое воззрение сегодня звучит сардонически, однако напоминает явно приближающийся эсхатологический финал национальной идентичности.

Современная тенденция борьбы родителей за право воспитывать ребёнка и проживать с ним после развода идёт вразрез не только с фундаментальными основами семейного права, но и с основными ценностями нашего государства, выраженными в Указе Президента № 809 от 2022 г.³.

Наблюдается отход от традиционной парадигмы «мужчина – добытчик» в сторону модели «мужчина – совоспитатель». Всё чаще суды передают опеку отцам, что ослабляет влияние прежней презумпции преимущественного проживания с матерью. Однако распределение родительской ответственности между бывшими супругами по-прежнему остаётся нерешённой задачей.

При этом право на опеку зачастую рассматривается как способ получить исключительный контроль над проживанием и воспитанием ребёнка, смещая фокус с его интересов на личное соперничество родителей. Родитель, не получивший право опеки, вынужден компенсировать расходы на содержание ребёнка преимущественно финансово, что ещё больше усиливает правовую дисбаланс между сторонами.

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

Институциональные ограничения и кризис родительских прав

Стоит отметить, что у судов отсутствуют институциональные возможности выбрать того родителя, кто в большей степени по сравнению с другим родителем готов проживать и воспитывать ребёнка. В равной степени не представляется возможным выявить суду того родителя, кто не готов или не желает выполнять свои обязанности по воспитанию ребёнка. Причина такой неопределённости кроется, по-видимому, в размытых границах перевоплощения изначально добросовестных намерений одного из родителей, превращающихся в последующем в желание отстраниться от процесса воспитания ребёнка, а то и вовсе откупиться от него алиментами, забывая об ответственности за его воспитание.

В связи с этим сохранение статуса отца и матери как субъектов воспитания и заботы о своих детях не может терпеть присутствие чуждых российской культуре и идентичности западных форм подмены родительской заботы на «фактическое родительство» и «фактическое воспитание». Природой таких деструктивных реформаций можно считать Гаагскую конвенцию 1961 г.¹, которая стёрла грани национальных и культурных идентичностей в аспекте воспитания детей и открыто заявила о законной возможности разлучения биологических родителей со своими детьми. В результате таких трансформаций создаются «фактические дети», которые в будущем не смогут обрести душевную и нравственную зрелость. Разрушающиеся при этом родственные связи формируют только потребительский взгляд на жизнь у детей в отношении своих родителей, лишая всех участников таких трансформаций ощущения тепла и семейственности. Отмечается, что понятие социального родства набирает обороты и в отечественном праве [5, с. 216].

¹ Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (заключена в г. Гааге 05.10.1961) (вступила в силу для России 31.05.1992) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 6.

Мы небезосновательно считаем, что местом воспитания ребёнка должна быть полноценная семья, а не один из родителей, который может негативно воздействовать на его психику своими эмоциональными обидами на второго супруга. Семейные ценности, заложенные в доктрину традиционной семьи², не подразумевают рождения ребёнка с последующим его проживанием с одним родителем. Семейный кодекс РФ, устанавливающий исчерпывающий объём прав для несовершеннолетних детей, на практике не создаёт их реального благополучия [2, с. 142].

Ребёнок должен воспитываться в не травмирующей его обстановке. При неспособности родителей создать необходимые условия для воспитания и развития своего ребёнка, такую задачу должны выполнить усыновители, попечители или опекуны (п. 1 ст. 155.1 СК РФ). В такой конструкции родительского правопреемства должны быть лица обоих полов одновременно, которые смогут выполнить роль отца и матери по отношению к ребёнку. Такое положение не будет прекращать прав биологических родителей, даже если ребёнок начинает проживать отдельно от них (п. 2 ст. 155.1 СК РФ). При распаде семьи, по нашему мнению, должно прекратиться и воспитание ребёнка любым родителем в отсутствии другого.

Существующая правовая доктрина отобрания ребёнка (ст. 68 и п. 2 ст. 79 СК РФ) заявляет, что при несоответствии интересам ребёнка и условиям его жизни, суд имеет право не возвращать ребёнка родителям [6, с. 28].

При этом ребёнок не лишается права на общение со своими родителями, даже если их брак расторгнут (ст. 55 СК РФ). Кроме того, и сами родители сохраняют своё право на общение с ним (ст. 66 СК РФ). Согласно ст. 77 СК РФ ребёнок может быть

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

отобран у обоих родителей, если причиняется вред его здоровью.

Как мы знаем, вред здоровью приносит не только физическая, но и психологическая боль. К нашему сожалению, законодатель не может заставить или обязать родителей жить с ребёнком общей семьей до 10-летнего возраста, когда тот сможет выразить мнение относительно выбора родителя для совместного проживания с ним (ст. 57 СК РФ). Это право на свободу выбора не должно быть ограничено согласно ст. 22 Конституции РФ. Стоит отметить, что конституционное право ребёнка на детство и семью закреплено и в ст. 38. Тогда не совсем понятно, почему право ребёнка до достижения им 10-летнего возраста жить в полноценной семье, не защищено запретом на развод супругов.

Заключение

Возлагая на родителей права по воспитанию детей (ст. 63 СК РФ) и признавая права детей на получение воспитания и заботу (ст. 54 СК РФ), законодатель создал ряд условий, при которых ярко выражен дисбаланс участия обоих родителей в жизни ребёнка. Устоявшееся в судебной практике преимущественное право матерей на проживание с детьми отодвинуло право отцов на участие в их жизни и воспитании. Данный аспект очень важен в формировании полноценной личности ребёнка.

Можно сделать вывод, что сложилась презумпция места жительства ребёнка с его матерью. Это дискредитирует правосудие. Такое явление способно разрушить счастье самого ребёнка, и нарушаются принципы вмешательства в семейные отношения. Эта проблема обсуждается в «Концепции государственной семейной политики» на период до 2025 г.¹ Само разлучение ребёнка с одним из родителей может ущемлять его права на заботу и воспитание. Кроме того, это влечёт за собой

утрату межличностных отношений как для самого ребёнка, так и для его отца. В данном вопросе законодатель на предоставил юридических гарантий на общение отца со своим ребёнком практически до наступления его совершеннолетия, переложив эту ответственность на судебную систему и сложившуюся правоприменительную практику.

В настоящее время вряд ли можно говорить о формировании института отцовства в полном его смысле. Негативным образом на ситуацию влияет наличие сожительства мужчины и женщины без заключения брака, который устанавливает в будущем как права, так и обязанности родителей в отношении их детей. Сожительство практически формирует предпосылки к отсутствию родного отца в жизни ребёнка. В настоящее время уже идёт полемика относительно передачи сожительствующей паре семейной правосубъектности, с чем ряд видных учёных – Ю. А. Гаспарян, Е. В. Ерохина, О. Ю. Ильина, А. В. Ковалева, В. Н. Чурсина – категорически не согласны [8, с. 122]. Кроме того, при сожительстве нарушаются и правовые интересы и взаимосвязи между государством в аспекте социального предназначения мужчины и женщины.

В связи с этим мы видим такое решение данной проблемы, как передачу ребёнка при разводе родителей в полноценную семью родственникам, опекунам (ст.ст. 123 и 155.1 СК РФ). Именно такой подход, по нашему мнению, может сохранить ребёнку психологическое здоровье и значительно снизить количество разводов в России, т. к. восстановление всех прав отцов, проживающих отдельно от своих детей, не сформирует комфортной среды для роста и развития ребёнка, когда отец проживает отдельно от него.

Материалы данной статьи прошли апробацию при выступлении авторов в научно-практической конференции «Обеспечение интересов детей в современном обществе», проведённой Государственным университетом просвещения 20 ноября 2024 г. В ходе дискуссии было высказано мнение

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. С. 4811.

о том, что кроме существующей государственной компенсации за потерю кормильца необходимо ввести ежегодную компенсацию за наличие кормильца в семье с целью сохранения традиционной семьи в России, сделав брак наиболее привлекательной формой отношений между мужчиной и женщиной.

Данное исследование акцентирует внимание на актуальной проблеме дискриминации прав отцов в семейном праве России, раскрывая сложившуюся презумпцию преимущественного проживания ребенка с матерью. Это не только ущемляет права отцов, но и создаёт существенный правовой дисбаланс, отрицательно влияющий на психологическое и социальное

развитие детей. Авторы усматривают недостаточность законодательных гарантий для отдельно проживающих отцов в вопросах воспитания и взаимодействия с детьми, а также отсутствие эффективных механизмов судебной защиты их интересов. Актуальность рассмотренной проблемы заключается в необходимости формирования равноправного подхода к распределению родительских прав и обязанностей, что имеет значение не только для совершенствования правоприменительной практики, но и для укрепления базовых семейных ценностей в российском обществе.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринева А. В. О трансформации семейного правоотношения при расторжении брака родителей: к вопросу о балансе интересов субъектов правоотношения по воспитанию ребенка // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 30–36.
2. Емелина Л. А., Яворский С. А. Актуальные проблемы защиты жилищных прав несовершеннолетних // Детство – территория безопасности: сб. конф. М., 2023. С. 142–145.
3. Емелина Л. А. Семейная парадигма эволюционного процесса российского общества: опыт историко-правового исследования // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. С. 100–107.
4. Зыков С. В. Родительские права на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3. С. 75–83.
5. Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 208–238.
6. Косова О. Ю. Разлучение родителей и детей в аспекте реализации права на воспитание // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 8. С. 22–32.
7. Максимович Л. Б. Право ребенка выражать свое мнение: содержание и границы // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 4–6.
8. Михайлова И. А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 8. С. 119–129.
9. Надин И. Н. Проблемы судопроизводства по делам о расторжении брака при наличии споров о детях // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 8. С. 135–147.
10. Ульянова М. В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 658–682.

REFERENCES

1. Grineva A. V. [On the transformation of the family legal relationship at the dissolution of the parents' marriage: to the question of the balance of interests of the subjects of the legal relationship on the upbringing of the child]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2024, no. 2, pp. 30–36.
2. Emelina L. A., Yavorsky S. A. [Current problems of protecting the housing rights of minors]. In: *Detstvo – territoriya bezopasnosti* [Childhood – the territory of safety]. Moscow, Saratov Spring IDP Center Publ., 2023, pp. 142–145.
3. Emelina L. A. [The Family Paradigm of the Evolutionary Process of Russian Society: Experience

- of Historical and Legal Research]. In: *Garmonizaciya chastnyh i publicnyh interesov v semejnomo prave Rossijskoj Federacii* [Harmonization of private and public interests in family law of the Russian Federation]. Moscow, UNITI-DANA Publ., 2023, pp. 100–107.
4. Zыkov S. V. [Parental rights to determine the place of residence of the child and the order of communication with him/her: problems of theory and practice] In: *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Topical problems of Russian law], 2022, vol. 17, no. 3, pp. 75–83.
 5. Komissarova E. G. [The doctrine of direct (de facto) parenthood in Russian and foreign family law]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal Sciences], 2022, no. 56, pp. 208–238.
 6. Kosova O. Y. [Separation of parents and children in the aspect of realization of the right to upbringing]. In: *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 8, pp. 22–32.
 7. Maksimovich L. B. [The right of the child to express his or her opinion: content and boundaries] In: *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* [Family and housing law], 2018, no. 6, pp. 4–6.
 8. Mihajlova I. A. [Gender inequality in the marriage and family sphere: forms of manifestation and opportunities for overcoming it]. In: *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 8, pp. 119–129.
 9. Nadin I. N. [Problems of court proceedings in cases of divorce in the presence of disputes about children]. In: *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2022, vol. 26, no. 8, pp. 135–147.
 10. Ulyanova M. V. [Limits on the exercise of family rights]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal Sciences], 2022, no. 58, pp. 658–682.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Емелина Людмила Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

e-mail: urconsul1@yandex.ru

Яворский Сергей Анатольевич – юрист в ООО «ИТ АЛЪЯНС»;

e-mail: 491899@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila A. Emelina – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Legal Support of Market Economy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPА);

e-mail: urconsul1@yandex.ru

Sergey A. Yavorsky – lawyer of the IT ALLIANCE LLC;

e-mail: 491899@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Емелина Л. А., Яворский С. А. Роль отцов в воспитании детей: правовые ответы на современные вызовы // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 31–41.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-31-41

FOR CITATION

Emelina L. A., Yavorsky S. A. The Role of Fathers in the Upbringing of Children: Legal Responses to Contemporary Challenges. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 3, pp. 31–41.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-31-41